

Г. ЛЕССИНГ

К 160-летию со дня смерти

В авангарде человечества на его историческом пути, в передовой когорте героических борцов за общественный прогресс виднейшее место занимает знаменитый немецкий писатель, один из самых замечательных деятелей великого века Просвещения — Готтольд-Эфраим Лессинг.

Вся жизнь его была величавой, суровой, полной трагизма поэмой. Он появился на свет 22 января 1729 г. в старом скучном доме с узкими хмурыми окнами и островерхой крышей, принадлежавшем его отцу пастору-примарию в маленьком саксонском городке Каменце. Должность пастора в течение трех столетий была наследственной в семье, и, следуя традиции, Готтольд-Эфраим со временем также должен был облачиться в черное одеяние священнослужителя.

По окончании княжеской школы св. Афры в Мейсене шестнадцатилетний Лессинг поступил на богословский факультет лейпцигского университета. Но теология не явилась той областью знания, которая в состоянии была захватить юного студента. К большому разочарованию каменецкого пастора-примария, сын его спустя некоторое время перешел на медицинское отделение. Больше того, оказалось, что он вообще-то не является образцовым, разумеется с филистерской точки зрения, студентом. Это было вполне естественно — Лессингу не по нутру были сухие педанты, ученые филистеры, окаменелые мандарины официальной науки. Зато он сам всерьез и многому учился. Уже на студенческой скамье он был глубоким и многосторонним эрудитом, но тем не менее он пришел к выводу, что книги не могут составить цели жизни, а должны стать только ключом к ней.

Лессинга влекло к живой жизни, но и здесь его ждали глубокие разочарования. Среди насыщенных пропитанного кощунством и филистерством бюргерства ему было так же не по себе, как и среди носителей заплесневелой университетской премудрости. Зато несравненно лучше он чувствовал себя среди актеров, солдат, простых людей из народа.

Еще будучи студентом, Лессинг написал несколько пьес: «Молодой ученый», «Еврей», «Вольнодумец» и др. Будучи поставлены на сцене труппами бродячих актеров, эти пьесы скоро разнесли по всем немецким землям славу их автора. Большой известностью также стали пользоваться его басни, оды, песни. Во многих из этих произведений, несмотря на их значительную подражательность, на известную литературную незрелость, было уже то, что Чернышевский подчеркивает в последующих произведениях Лессинга — народность. Они являлись протестом представителя передового бюргерства, «третьего сословия», — против придворно-аристократического, чуждого народу искусства, которое рабски и бездарно следовало французским псевдо-классическим образцам, традициям Корнеля и заветам Буало.

На исходе сороковых годов Лессинг почти без денег отправился в Берлин, где скоро сблизился с двумя известными просветителями Мендельсоном и Николаи.

Столица Пруссии в те времена стала средоточием умственной жизни. В круглом зале дворца Сан-Суси звенела французская речь, ценились французские вирши и сверкали афоризмы Вольтера, жившего тогда при дворе в Берлине. Такой же галантно-французский характер носила знаменитая «карусель» — маскарад и карнавал, устроенные в вечер 25 августа 1750 г. на главной площади столицы. Добрые берлинские бюргеры, важные чиновники с их супругами и дочерьми платили по полталера за право участия в маскараде. Плата эта была невысока, если принять во внимание, что главную роль в празднике играли принцы и придворные, принцесса Амалия раздавала призы, а в ложе находился сам король в обществе Вольтера. Последний с версальской любезностью воспел эту карусель в

небольшом стихотворении, утверждая, что подобных празднеств не знали ни Греция, ни Рим. Словно в ответ явилось сатирическое стихотворение Лессинга, в котором он зло вышутил празднество, не щадя при этом и самих принцев; стихотворение заканчивалось словами:

... о зрелище отменном
Все рассказать не в силах я:
Закоучу словом откровенным —
Ведь знаешь ты, что я не враль:

Полталера мне очень жаль.
Эти насмешливые строфы не были лишь «забавой пера». В них Лессинг выразил свою глубокую неприязнь к

придворным и аристократическим кругам. Такое выступление было слишком смело. Но смелости-то у него хватало с избытком. Литературная жизнь была для него полем битвы, а литературная деятельность, как в смысле художественном, так и в смысле научно-критическом и публицистическом, служила трибуной, с которой он громил мракобесие и иродство средневековья, изуверов в коронах, царствующих особ, в сутанах служителей церкви, в мантиях псевдо-ученых. Отголоски его сокружительных ударов, отзвуки смертоносного меча его остроумия были слышны не только во всех немецких землях, но и по ту сторону Рейна. Гейне гово-

рит, что в своем пейстовом полемическом задоре Лессинг не только рубил головы своим противникам, но и демонстрировал эти головы народу, который, таким образом, имел удовольствие видеть, что они внутри пустые...

Всю громадную силу своей критической мысли Лессинг особенно полно обнаруживает в своем «Локоопе», «Письмах о новейшей литературе» и «Гамбургской драматургии», явившихся манифестом новой литературы, которая должна служить не прихоти дворов и аристократии, а насущным интересам всего народа.

Борьбе за право человека и гражданина посвящены знаменитые драмы Лессинга «Миша фон Барнгельм» и «Эмилия Галотти», совершившие переворот во всей немецкой литературе, сыгравшие совершенно исключительную роль в пробуждении общественного самосознания масс немецкого народа.

В «Эмилии Галотти» с необыкновенной остротой и силой выразился революционный протест против произвола феодальных властелинов. Величайшим творением Лессинга, итогом всей его творческой жизни, заветом грядущим поколениям явился его «Натан Мудрый» — пламенная проповедь содружества и братства народов.

Только громадная сила характера, только исполинское величие духа дали Лессингу возможность вынести самое страшное, что может судьба уготовить человеку — интеллектуальное одиночество. В Германии того времени он был лишь, говоря словами Пушкина, «свободы сеятель пустынный, вышедший рано, до зари». Даже близкие друзья, как например — Мендельсон, не понимали его и считали себя морально обязанными опровергать, что автор «Натана Мудрого» стал последователем Спинозы, вопреки утверждению самого Лессинга.

Безмерно одинок был этот титан в бесперывной борьбе с земными олимпийцами. Иногда его охватывала тоска по настоящим людям. Его запоздалая попытка устроить как-нибудь свое маленькое личное счастье кончилась трагически. Он потерял и жену, умершую от родов, и ребенка. Это было жестоким ударом для Лессинга.

Наломленный борьбой, жизненным нестройством, разочарованиями, Лессинг уже не мог оправиться до самой смерти. Он скончался сто шестьдесят лет тому назад, 15 февраля 1781 г. Но в веках остались жить его великие творения: его благородный образ воителя за права человека, пример его великой, самоотверженной борьбы за счастье человечества.

Ю. ШТАЕРМАН.